

О. А. Таргонский

Тверской государственный университет, магистрант

Научный руководитель: д. ф. н. В. А. Миловидов

ИНТЕРТЕКСТ: НЕПЕРЕВОДИМОЕ В ПЕРЕВОДЕ

Термин «интертекстуальность» описывает взаимодействие между литературными текстами, в рамках которого один текст прямо или косвенно ссылается на другой в форме цитаты, аллюзии, ссылки на материал и т.д.; традиционно интертекстуальность понималась именно так. В данной работе мы предпримем попытку расширить это понятие и рассмотреть в качестве интертекстуального взаимодействие между языковыми системами, а также проанализировать процесс перевода текста, в котором содержится такая интертекстуальность.

В качестве материала для исследования нами взят роман Энтони Бёрджесса «Заводной апельсин» и два его русскоязычных перевода за авторством Владимира Бошняка и Евгения Синельщикова.

Приведём отрывок из оригинального произведения:

There was me, that is Alex, and my three droogs, that is Pete, Georgie, and Dim, Dim being really dim, and we sat in the Korova Milkbar making up our rassoodocks what to do with the evening, a flip dark chill winter bastard though dry. The Korova Milkbar was a milk-plus mesto, and you may, O my brothers, have forgotten what these mestos were like, things changing so skorry these days and everybody very quick to forget, newspapers not being read much neither [Antony Burgess].

Большое количество окказиональных образований – характерная черта романа. Эти окказионализмы образуют «надсат» – особый сленг, которым пользуются персонажи романа, и главный герой, от лица которого ведётся повествование, также применяет их. Эти слова представляют собой продукт внедрения лексических основ русского языка в систему английского языка, причём внедрение происходит с учётом различных языковых уровней: русскоязычные вкрапления записаны латиницей, они снабжены всеми необходимыми морфемами, характерными для узуальных слов, и в предложении функционируют также узуально.

Для англоязычной читательской аудитории (роман был впервые издан в Великобритании) расшифровка данных окказионализмов представляет собой существенную проблему: незнание значения основ не позволяет читателю с ходу интерпретировать эти слова, и опираться приходится на языковой и смысловой контекст, в котором они используются. Читателю приходится вычленять смысловые элементы слова из морфем и расположения этого слова в

предложении, а также из того, с какими словами у рассматриваемой лексемы есть грамматические связи и в какой ситуации по сюжету она применяется.

Трудность восприятия окказионализмов была намеренной: автор сознательно не давал пояснений в тексте сам, и одним из его требований к издательству было не снабжать текст какими-либо пояснениями или глоссариями.

Использование надсата является своего рода социальным и культурным маркером персонажей: пользователи надсата – это молодёжь, зачастую связанная с преступной деятельностью. Введя надсат, автор отграничил персонажей от остального мира, вывел их в отдельную закрытую социальную группу со своими ценностями и мировоззрением, противопоставил их «нормальной», законопослушной части «взрослого» общества. Подобная лексика позволяет однозначно узнать в использующем её представителя так называемой «шпаны», а сам надсат у персонажей в романе и у читателя ассоциируется в первую очередь с малолетними преступниками.

В то же время, в тексте эти слова – не прямые иноязычные вкрапления, а косвенные: окказионализмы написаны на латинице, сочетаются с английским морфемами и во всём остальном ведут себя как узуальные английские слова, что, в свою очередь, указывает на связь с английским языком и английской культурой; герои – представители контркультуры, но тем не менее они живут в культуре английского языка и происходят из неё.

Таким образом, использование русских слов, адаптированных под нормы английского языка, создаёт специфический образ: малолетние преступники, контркультурные элементы, противопоставлены «материнской» культуре и в то же время принадлежат ей. Интертекстуальным «вкраплением» в данном случае будет уже не слово-цитата, не дискурс, не социолект, а сам язык.

Воссоздание такой комплексной интертекстуальной конструкции средствами русского языка – учитывая, что сама интертекстуальность строится на использовании русских слов – задача непростая.

Рассмотрим тот же отрывок в переводе В. Бошняка:

Компания такая: я, то есть Алекс, и три моих druga, то есть Пит, Джорджик и Тем, причем Тем был и в самом деле парень темный, в смысле gliуrуi, а сидели мы в молочном баре «Kороva», шевеля тоzgoi насчет того, куда бы убить вечер - подлый такой, холодный и сумрачный зимний вечер, хотя и сухой. Молочный бар «Kороva» — это было zavedenije, где давали «молоко-плюс», хотя вы-то, блин, небось уже и запомнили, что это были за zavedenija: конечно, нынче ведь все так скоро меняется, забывается прямо на глазах, всем plevatt, даже газет нынче толком никто не читает [Владимир Бошняк].

В переводе оригинальная окказиональность оказалась утрачена, и для того, чтобы как-то компенсировать это, переводчик добавил в текст русские слова, написанные латиницей. Примечательно, что слова продолжают вести себя по правилам русского языка – изменения по числам и падежам отражаются теми же русскими морфемами, хотя и записанными латиницей.

Окказионализмы Бошняка существенно отличаются от окказионализмов Бёрджесса по своему эффекту. Так как сами слова остались русскими, для полноценной интерпретации достаточно всего лишь приблизительно знать, каким фонемам соответствуют латинские буквы. Анализ грамматических и морфологических черт, равно как и контекста использования, не требуются – окказиональная форма слова в достаточной мере соответствует узуальной.

Несоответствие графики узуальных слов и окказионализмов не позволяет воспринимать последние как элементы общей языковой культуры. Они выбиваются из текста и смотрятся чужеродно, а потому противопоставление начинает функционировать иначе: это не контркультура (элемент культуры), это просто другая культура. Противопоставление это, впрочем, не работает, так как сами слова остались русскими.

Социальное и культурное противопоставление на уровне языка сводится на нет: написание слов латиницей как характерная особенность присуща не героям и не социальным слоям, а исключительно тексту. Для читателя такие слова не несут никаких дополнительных смыслов и не работают в тексте так, как задумывалось Бёрджессом. Интертекстуальность, таким образом, сохраняется – но представлена она не содержательно, а формально.

Е. Синельщиков в своём переводе пошёл в прямо противоположную сторону:

Это — я, Алекс, а вон те три ублюдка — мои фрэнды: Пит, Джорджи (он же Джоша) и Кир (Кирилла-дебила). Мы сидим в молочном баре «Коровяка», дринкинг, и токинг, и тинкинг, что бы такое отмочить, чтобы этот прекрасный морозный вечер не пропал даром. «Коровяка» — место обычной нашей тусовки — плейс как плейс, не хуже и не лучше любого другого. Как и везде, здесь серв обалденное синтетическое молоко, насыщенное незаметным белым порошком [...] [Евгений Синельщиков].

Вариант Синельщикова оказался гораздо ближе к оригиналу по механизму создания. Окказионализмы, созданные переводчиком – это узуальные английские слова, написанные кириллицей. Единство графики позволяет сохранить визуальную связь между окказионализмами и узуальными словами в тексте, а потому, несмотря на свою чужеродность, они в большей мере воспринимаются как элементы русского языка; в то же время они остаются англоязычными заимствованиями.

Однако заимствования эти часто так или иначе пересекаются с уже существующими в русском языке англицизмами и являются гораздо более явной отсылкой на западную, англоязычную культуру, что меняет оригинальный эффект и наполняет его новыми смыслами. С другой стороны, для многих читателей, знакомых со значением существующих англицизмов, процесс интерпретации также упрощается и сводится к узнаванию уже знакомых лексем.

Представленный выше анализ двух вариантов перевода показывает, что репликация оригинальной интертекстуальности при помощи отсылки к английскому языку не приводит к желаемому результату: утрачивается оригинальная непрозрачность значения, и процесс интерпретации сводится к минимуму. Ещё менее эффективным оказывается решение, при котором текст остаётся в рамках одного языка. Идеально эквивалентный эффект может быть достигнут только при условии, что слова сами по себе не несут для читателя смысла, что заставляет читателя в процессе интерпретации обращаться к форме слова и его контексту, по сути изучая новые слова и предполагая их значение в процессе чтения, а также адаптируя свои предположения в каждом новом случае, когда эти слова используются.

Достичь такого эффекта, как нам кажется, можно путём создания новых окказионализмов, не привязанных к существующему (или, как минимум, известному и распространённому) языку. Это позволяет сохранить, на наш взгляд, самое важное свойство оригинальной интертекстуальности – непонятность, которая заставляет читателя опираться на контекст. Эти новые окказионализмы должны функционировать так же, как и узувальные русские слова: они должны быть снабжены всеми узувальными морфемами и формами и восприниматься читателем как слова, которые теоретически могут существовать в русском языке.

В процессе перевода подобных иноязычных вкраплений необходимо в первую очередь рассматривать их как комплексные языковые явления, функционирующие на разных языковых уровнях и взаимодействующие с узувальной языковой системой на правах узувальных элементов. Эффект, который они создают для читателя, складывается в конечном счёте из того, какие черты этих слов читатель может воспринять и проинтерпретировать в рамках своей языковой культуры. Задача переводчика в таком случае состоит в воспроизведении именно этих черт с поправкой на иную языковую систему, в которой существуют иные законы и иные языковые элементы. Важно также сохранить саму потребность в интерпретации, то есть не дать читателю больше информации, чем содержится в оригинале.

ЛИТЕРАТУРА

Бёрджесс Э. Заводной апельсин: пер. В. Бошняка. URL: <http://www.kulichki.com/moshkow/INPROZ/BERDZHES/apelsin.txt> (дата обращения: 15.03.2022).

Бёрджесс Э. Заводной апельсин: пер. Е. Синельщикова. URL: http://www.lib.ru/INPROZ/BERDZHES/apelsin_j.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 10.03.2022).

Борисенко А.В. Семиотика интертекстуальности. Тверь: Тверской государственный университет, 2004. 114 с.

Burgess A. A Clockwork Orange. Санкт-Петербург: КАРО, 2019. 288 с.